

ПАМЯТИ ДРУГА: трагический постскрипtum

Не дожив нескольких месяцев до своего юбилея, Александр Петрович Каждан трагически скончался 29 мая. Мы, его друзья, ждали его в Москве с тем, чтобы отметить его юбилей. Наши связи с ним не прервались в годы его американской эмиграции и время от времени удавалось встретиться с ним либо здесь, либо там. Смерть застала его в разгар работы над обширной историей византийской литературы. Беседуя со мной по телефону буквально за неделю до кончины, Саня сказал мне, что работа идет успешно и доставляет ему большое удовлетворение. Впрочем, работа всегда поглощала его целиком и была естественным образом жизни. Увы, этот *opus majus* остался незавершенным.

Весть о его кончине еще столь свежа, что я не могу примириться с ней. На память приходят разные факты его биографии, которые получили отнюдь не полное выражение в его статье, опубликованной в "Одиссее, 1992". В этом автобиографическом очерке Каждан дал смягченную и во многом лишенную драматизма версию своей научной жизни. Насколько я помню, он не упоминает тех преследований, которым он подвергся в конце 40-х годов, будучи изгнанным из Ивановского педагогического института. Лишь в 50-е годы, когда обстановка разрядилась, он был зачислен в новообразованный сектор византиноведения Института истории АН СССР. Решение о его зачислении, однако, было принято после того, как руководитель сектора подбросил монету, и если бы выпала "решка", а не "орел", его бы не приняли на работу. Я вполне могу допустить, что в Думбартон Оксе, где Каждан писал свои воспоминания, ему уже не хотелось ворошить прошлое. Последний период своей жизни он прожил сравнительно благополучно и, казалось, что это стабильное состояние может продлиться. Увы, смерть внезапно нанесла свой удар. Будучи связан с Саней более чем полувековой дружбой, я ощущаю страшную пустоту, порожденную его уходом. Мы дружили семьями, и я с трудом могу себе представить, как переживает эту утрату его верная спутница Муса.

Нужно осознать, что мы потеряли одного из крупнейших византинологов нашего столетия. То, что должно быть сделано для продления жизни Каждана в науке, это переиздание лучших его работ. И только те, кто был связан с ним лично, знают, каким верным и заботливым другом он был, сколь разносторонней была его творческая личность. За иронией и шуткой скрывался тонкий и мудрый человек, обладавший большим мужеством и недожиданным талантом.

Прощай, дорогой друг.